

Сергей Залыгин:

В эпоху ноутбуков Пушкин невозможен

О «Новом мире» и о себе

— Пять лет назад «Новый мир» выходил тиражом — даже представить страшно — 2 миллиона 750 тысяч экземпляров. Сейчас всего 21 тысяча. Сергей Павлович, отчего так плохи дела?

— Ну а где и у кого они сейчас идут хорошо? В 91-м году время на дворе стояло другое. Тяга к толстым журналам была тягой к новизне. Сейчас появились другие предпочтения.

Самые главные проблемы лежат в экономической сфере. Мы назначили высокую цену за журнал. Потому упал тираж.

Подписка на журнал стоит 76 тысяч, а с доставкой — 230 тысяч. Немыслимо... И это при том, что на первое полугодие будущего года у нас из толстых журналов самая низкая цена — 16,5 тысячи за номер. Есть московская подписка. Читатели сами приходят за журналом. Это снижает примерно вдвое расходы, потому что служба связи наживает расходы.

— В последнее время критика вас явно не жалует.

— Объективной критики нам просто не хватает. Всем интересно ругать солидный журнал. Что толку ругать других, у которых нет репутации? Для журналиста это неинтересно. Поэтому очень много пустой зубоскальской критики. Видно, что человек, обрезающий журнал, не читал его или прочитал справа налево. Это все же большой труд — прочесть.

— К редакционному и авторскому коллективу вы не в претензии?

— У нас сложился очень сильный редакционный коллектив. Люди известные, с именами. Скажем, прозу ведет Руслан Тимофеевич Киреев, поэзию — Олег Григорьевич Чухонцев, критику — Роднянская Ирина Бенционовна. Публицистикой ведают Юрий Кублановский.

И авторский состав очень неплохой. Битов, Искандер, Окуджава, Кураев, Лихачев. Очень хороший публицист Олег Ларин. Это уже известные, сложившиеся литераторы. Но мы ищем и находим много новых имен, молодых. Скажем, напечатали в трех номерах Антона Уткина — молодого парня, студента Литинститута. Я раньше там преподавал, вел семинары прозы. Мы объявляем конкурс среди студентов и печатаем 10-15 лучших рассказов.

— А политическое лицо журнала не претерпело изменений?

— Наш журнал демократический. Во всяком случае мы не ратуем за возвращение коммунизма, Советской власти или СССР. Это нам чуждо. Но надо при этом сказать, что критерием оценки произведения, которое к нам поступает или которое рецензируем, является прежде всего литературное достоинство, а не политическая принадлежность автора. Если сторонник Зюганова пришлет нам талантливое произведение, мы напечатаем. Но там мало талантливых людей. Они не могут себя представить вне каких-то стандартов. Все сила их в значительной мере заключается в единодушии. Но единодушие — вещь коварная. Она очень ограничивает умственные и творческие способности человека, которому нужна свобода в выражении мыслей.

— Сами над чем-то работаете?

— Будем говорить откровенно: многие издания считают меня списанным писателем. Человек сделал свое дело и хватит, пусть уйдет. У меня такого ощущения нет совершенно. Но дело в том, что я не суюсь и не бегаю по всяким издательствам и газетам. В течение последних 6 лет у меня не вышло ни одной книги. Я не очень этим обеспокоен. Потому что у меня журнал. Все опубликовано там.

Я 10 лет уже главным редактором работаю — до этого лет 30 или 25, во всяком случае, был, что называется, свободным художником, то есть нигде не служил. Много занимался общественной работой. Будучи редактором журнала, за эти 10 лет я написал не меньше, чем я писал в те времена, когда был моложе и работоспособность была выше.

В 93-м году у меня вышел «Экологический роман» — 94-й год был неурожайный. В 95-м году я написал большую статью под названием «Два провозвестника: Ленин и Достоевский». В том же году опубликовал повесть «Однофамильцы», а в 96-м — роман «Свобода выбора». В этом году перенес инфаркт. Но буквально не-

ФОТО ИТАР-ТАСС.

давно отправил в печать новую публицистическую работу — «Моя демократия. Заметки по ходу жизни». Мне некогда сидеть у телевизора.

— Но все-таки смотрите?

— Очень немного. Я смотрю телевизор два раза в день — информационные программы. Иногда, правда, просматриваю «Наши университеты», о животных, о новых открытиях науки. Я не знаю ни наших «звезд», ни наших шоу. Мне просто некогда. Газеты читаю выборочно. Несколько газет в день просматриваю. Я живу в Переделкине — туда почта кое-как к 5 часам вечера приходит, а то и на другой день. Поэтому, когда возвращаюсь с работы, из ящика вынимаю почту и вечером перед сном ее читаю.

О литературе...

— Сергей Павлович, а состояние современной российской литературы в целом вас удручает?

— Это непростой вопрос. Потому что однозначным ответом можно оскорбить многих талантливых литераторов. Я скажу осторожно: новый серебряный век в современной российской литературе не состоялся.

— И не состоится?

— Думаю, что нет.

— Почему?

— Потому что сейчас время другой цивилизации — технической.

— Что плохого в ней?

— Технический прогресс озабочен тем, чтобы росли потребности. Прежде всего материальные. Пушкинские строки не родились бы, сиди Александр Сергеевич бесконечно за компьютером. Он видел бы в нем лишь виртуальное, как теперь говорят, отражение реальности. То есть искаженное, искусственное. А поэзия требует чистого взгляда на жизнь, напряжения других подкорковых слоев.

— Пушкин невозможен. Но Чехов?

— Новый Чехов как особое восприятие мира, жизни, человеческих чувств, быть может, и повторится. Чехов — особая страница не только в истории отечественной литературы, но и в истории культуры. Он представляет собой вершину русской интеллигентности.

— Даже Толстого вы ставите ниже?

— Нельзя ранжировать таланты. Это совершенно разные личности. И если они были близки друг другу, то только благодаря именно Чехову, а не Толстому, который был гораздо более ортодоксален в своих взглядах. Приведу пример. Чехов прочитывает «Воскресение» Толстого и говорит, что это великая вещь и написана гениальным художником: чего только стоит путешествие по этапу Катюши Масловой на каторгу, все эти красноносые надзиратели-конвоиры. Все это прекрасно. Но затем задается вопросом: для чего Толстому понадо-

билось писать отступление, посвященное нехлюдовским переживаниям и его личным взглядам на события. Зачем? Ведь роман по существу уже кончился, написан. Это большая ошибка Толстого. Он не раз высказывал Толстому этот упрек и устно. Чехов был единственным человеком в мире, которого Толстой побаивался. Может быть, даже скрывая это от самого себя. В 1900 году они жили поблизости — Чехов в Ялте, а Толстой в Гаспри, нередко они гуляли вместе. Но дело-то вот в чем: Толстой был значительно старше. Толстой родился в 1828 году, а Чехов — в 60-м. Уезжая на курорт в Германию, тяжелобольной Чехов пишет: «Как плохо выглядят Толстой. Для России будет страшно потерять этот Юпитер». А дело происходит в 1904 году. И Чехов ни слова не обмолвился о своей болезни. Через каких-то две-три недели он умрет. Он просто не считал нужным сопоставлять себя с Толстым.

В XX век мы вообще вошли с блестящей литературной плеядой. Даже после 17-го года еще оставались Гумилев, Есенин, Ахматова, Цветаева, Волошин, даже Маяковский. Одни пытались найти себя в революционных идеях, другие — в опровержениях этих идей. Это было гонимое, подпольное время, но все же с ярким серебряным отблеском. Россия стояла на пороге величайших открытий. Но когда двести крупнейших русских ученых и общественных деятелей Ленин посадил на корабль и отправил во Францию, наступило время трагическое и беспринципное.

Если бы прямым и косвенным образом не унижались и не уничтожались поэты и прозаики того времени, я думаю, что где-то к концу 30-х годов у нас была бы очень сильная литература. Но затухала творческая жизнь, изничтожалась творческая интеллигенция, и литература снижалась. Остались три-четыре имени, и то в значительной степени искалеченных — тот же Шолохов. Сейчас от этой элиты остались лишь Лихачев и Солженицын.

О демократии

— Вы сказали, что журнал исповедует демократические принципы. Но что такое в вашем представлении демократия?

— Демократию мы привыкли отождествлять с формой государственного устройства. А дело обстоит не совсем так. Демократия — это еще и образ жизни, мышления. Это способы общения людей друг с другом. И демократизм государственный возможен только тогда, когда общество само по себе демократично, когда освоило именно демократический образ жизни. Когда граждане терпимы друг к другу, умеют находить что-то общее между собой и подчиняться этому общему. Это, если хотите, компромисс с действительностью. У нас вы-

шло все наоборот. Приходит Горбачев и говорит: с такого-то числа Советский Союз — страна демократическая. Мы и демократию-то насадили большевистскими методами — по постановлению Политбюро. Потому она и вышла с таким перекошенным, больным лицом.

По существу до этого в истории России было две попытки подступиться к демократическому правлению — это свободный Новгород, а затем слабая попытка Временного правительства. И вдруг такой призыв коммунистов — стать демократами! Хотя для этого никаких оснований у них не было и нет. Коммунисты — большие прагматики. Они ставят на вооружение любой лозунг. Ленин ничуть не постеснялся взять эсеровский лозунг: земля — крестьянам, фабрики — рабочим. Было выгодно взять их на вооружение. Создал правительство с участием эсеров, а потом быстро их устранил. И коммунисты-историки ставили ему в заслугу, что очень быстро сумел освободиться от влияния союзников по революции — меньшевиков и эсеров. Это и есть прагматизм. Мы его и сейчас наблюдаем.

Они все время говорят — ленинизм. Но я вас уверяю, что Ленина они не читали. Когда, на какие его идеи ссылался Зюганов? Это действительно очень серьезное, грозное учение о захвате власти, о том как к ней прийти, а вовсе не о том, как этой властью пользоваться. Ленин при жизни себя выдавал, в том смысле, что все его собственные теории мало значат. Ленин говорил о том, что важно ввязаться в драку, а там видно будет, что революцию 24 октября делать рано, 26-го поздно, а 25-го в самый раз. Хороша та историческая необходимость, для которой история отпускает только один день. Демократия по-ленински — это просто умение использовать возможности одного дня, одного момента. А вовсе не умение использовать историю. И Ленин, и Сталин с одинаковым успехом зачеркивали историю. И начинали ее со своих собственных деяний. Не может быть ленинизм историческим. Ленин говорил, что его власть — власть ничем не прикрытого абсолютного насилия. Но власть, за которой нет ничего, кроме насилия, это не власть, а насилие как таковое.

Поэтому нынче большинству россиян, к сожалению, абсолютно не свойственно демократическое мышление.

— Если России не подошел коммунизм, если мы не созрели до демократии, тогда, быть может, время припадать к истокам — реанимировать монархическую идею?

— Это не совсем правильно. В Европе сколько угодно стран монархических — Бельгия, Испания, Англия, Швеция. Но в то же время они являются наиболее демократическими странами. Просто сохраняют некоторые атрибуты своей истории. Дорожат ими. И это для них определенный ритуал. И народ, и монархия это прекрасно понимают. А наша демократия что сохраняет? Какое ритуальное и символическое прошлое? А ведь без этого нет государства.

— Ну а парламентский режим?

— Парламентский режим тоже может быть тоталитарным. Об этом можно судить хотя бы по странам Югославии — в бывших и нынешних границах. Дело не в терминологии. Коммунизм, демократизм, парламентаризм. Если говорят, что эта страна демократическая, это еще мало что значит... Потому что власть называется себя так, как ей нравится. А слова вовсе не совпадают с реальным положением вещей.

— Движение вспять вы не исключаете?

— Из неразберихи, в которой мы живем, может вырасти все что угодно. Это, возможно, будет величайшим в истории человечества регрессом, который когда-либо происходил. Уже за ту демократию, которая есть, заплачено столько, что никакие монархисты и никакие коммунисты не придумают, чем бы компенсировать эти потери. Значит, надо идти по очень неловкому, очень трудному и, если хотите, ненадежному, но по пути демократическому. Раз уж пошли.

Беседовал
Василий УСТЮЖАНИН.